

А. А. Циндик

К вопросу о работе правоохранительных органов в Западной Сибири. 1905–1914 гг.

В советской историографии долгие годы существовал устойчивый стереотип, заключающийся в показе жестокости царских правоохранительных органов по отношению к революционерам. Штампы про «военно-полевые суды», «столыпинские галстуки», «ужесточение реакции» фигурировали во всех учебниках и специальных работах по истории революционного движения. Более взвешенный подход к данной теме стал преобладать только в два последних десятилетия.

В Историческом архиве Омской области имеется ряд фондов, содержащих различные материалы, касающиеся расследования дел сибирских революционеров и хода судебных процессов, которые всегда протоколировались. Это: Омский окружной суд (фонд 10), Омская судебная палата (фонд 25), Прокурор Омского окружного суда (фонд 33), Прокурор Омской судебной палаты (фонд 190). Указанные фонды достаточно полно характеризуют деятельность органов юстиции того времени. Работая с этими архивными материалами, автор не мог не обратить внимания на выполнение судебными институтами правовых норм российского законодательства и на их отношение к представителям революционного подполья. Данная проблема и стала темой публикации.

Можно начать с того, что в период разрастания первой российской революции, сразу же после объявления Манифеста Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка», вышел Указ Сената о значительном смягчении наказаний по политическим и уголовным делам. 21 октября 1905 г. от министра юстиции на имя прокурора Омской судебной палаты пришла телеграмма с текстом данного Указа. По многим статьям даровалось полное помилование; лицам, осужденным свыше 10 лет назад по военному суду на ссыльно-каторжное поселение, раз-

**Циндик Александр
Александрович,**
кандидат
исторических
наук, доцент,
преподаватель
истории НОУ
«Славянская школа
в честь святых
равноапостольных
Кирилла и Мефодия»
(Омск)

решалось перейти на поселение; многим каторжанам сократили сроки наказания, например, бессрочная каторга заменялась 15-летним сроком; всем присужденным до 17 октября 1905 г. к смертной казни она была заменена каторжными работами на 15 лет¹. Таким образом, уже осенью 1905 г. правительством были проведены определенные меры по облегчению положения многим категориям осужденных, в том числе и революционеров. Возобновление смертной казни и введение столыпинских военно-полевых судов начало действовать со второй половины 1906 г. как ответная мера на массовый революционный террор, захлестнувший страну. (Как известно, при взрыве дачи П. А. Столыпина в Петербурге 12 августа 1906 г. пострадало несколько десятков человек.)

Суровые меры по отношению к революционерам радикального крыла: РСДРП, партии социалистов-революционеров и анархистам затронули и западно-сибирский регион. Так, 17 декабря 1907 г. в Омске был приведен в исполнение приговор Военно-окружного суда касающийся боевиков анархистов Глеба Новохацкого и Василия Пшеницына. Смертная казнь была присуждена им за участие в целой серии экспроприаций в Омске и его окрестностях, сопровождавшихся человеческими жертвами². Но принимая репрессивные меры по отношению к революционерам, работники правоохранительных органов старались следовать букве закона, и если вина обвиняемых не была полностью доказана, то они освобождались от наказания, либо оно было минимально.

Один из лидеров партии социалистов-революционеров в Омске, Евтихий Ключев, был задержан полицией 9 января 1906 г.; в кармане у него был найден подписной лист местной группы эсеров на нужды организации и прокламация «Ко всем», с призывом к вооруженному восстанию. Во время обыска его квартиры полиция обнаружила большое количество прокламаций, программ партии социалистов-революционеров и РСДРП, Манифест Совета рабочих депутатов и 13 революционных песен, причем многие из рукописей, как было установлено в результате экспертизы, были написаны рукой Ключева³.

В данном случае виновность Е. Ключева была налицо, хотя он и отрицал ее (что, впрочем, делали почти все революционеры). 25 августа 1906 г. суд вынес решение признать Ключева виновным. Однако здесь очень хорошо «поработал» защитник подсудимого — помощник присяжного поверенного Л. А. Янkelович (сочувствовавший революционерам), и суд определил Ключеву минимальную меру наказания — четыре месяца заключения в крепости. Но пока длилось судебное разбирательство Ключев находился под стражей — как раз четыре месяца. Суд это учел, и Е. Ключев был освобожден⁴. Таким образом, человек, призывавший к вооруженному восстанию (то есть к экстремистским действиям), оказался на свободе. Позднее, в 1907 г., Е. Ключев был снова арестован и осужден на 6 лет каторги за революционную пропаганду в воинских частях.

Студент Томского университета Николай Аболенский обвинялся в распространении прокламаций социал-демократов, обнаруженных у него полицией во время обыска 13 апреля

1905 г.5 Аболенский виновным себя не признал. В ходе судебного разбирательства была проведена экспертиза по определению почерка переписывающего прокламации. Экспертиза установила, что почерк хотя и имеет сходство с почерком Аболенского, но имеет и различия, а значит утверждать, что переписывал революционные издания именно он, — нельзя. Поэтому Аболенский был признан невиновным⁶.

В ноябре 1906 г. был произведен обыск в квартире фотографа Николая Васильева, проживавшего с женой в Атаманском хуторе Омского уезда. Во время обыска было найдено много предметов, подтверждавших участие хозяев квартиры в революционной деятельности. В частности: типографская касса, несколько программ омских анархистов «Хлеба и воли», «Воли и хлеба», две неначиненные бомбы, железный цилиндрический снаряд, большое количество электрических приборов, масса банок химических соединениями (в которых помимо веществ для работы с фотографиями, находились взрывоопасные вещества), квитанционные книжки, подписанные: «Группа Анархо-Социалистов» с изображением мертвой головы и ряд бумаг партийного характера⁷. Провал квартиры Васильевых Омское Жандармское Управление считало одной из наиболее удачных операций 1906 г.

В итоге Н. Васильев был предан военно-полевому суду (за принадлежность к группе анархистов и хранение взрывчатых веществ) и 25 ноября 1906 г. осужден с лишением всех прав к каторжным работам сроком на 10 лет⁸. Жестко? Вероятно, но в полном соответствии с законом. А как поступили с супругой революционера – 26-летней Анной Васильевой, входившей в местную группу анархо-социалистов? Она находилась под следствием, не признала себя виновной, и Омский Окружной Суд вынес ей 2 мая 1907 г. оправдательный приговор, отменив меру пресечения под стражей за недостатком улик⁹. (Ср. это дело с делами 1930-х гг., когда статьи уголовного кодекса о государственных преступниках распространялись и на родственников: не донес, не выдал, не сказал... Таковы были «правовые основы» тоталитарного произвола.)

Стоит отметить дело по обвинению крестьянки Е. А. Куржевской, проживающей в г. Омске, по 2 пункту 132 статьи уголовного уложения (хранение и распространение нелегальной литературы). 19 марта 1909 г. у нее при обыске были найдены гектографические издания, в частности: брошюры — «Программа партии социалистов-революционеров», «Песни революции», «Аграрная программа РСДРП», эсеровские газеты — «Знамя труда», «Земля и воля», «За народ», и «Всероссийский союз солдат и матросов»¹⁰.

Суд вынес Куржевской оправдательный приговор, руководствуясь тем, что по делу осталась недоказанной цель распространения найденных печатных изданий. Хотя Куржевская и хранила партийную литературу, но не было доказано, что ей было известно содержание брошюр и газет. Однако на такое решение суда последовала апелляция товарища прокурора Закалинского, и 16 октября 1909 г. состоялось новое публичное судебное заседание Омской Судебной Палаты. В итоге, рассмотрев это дело повторно и выслушав прения сторон,

Судебная Палата приняла решение, что так как подсудимая Куржевская хранила вместе со своими вещами и книгами большое количество нелегальной литературы, то это «...устраняет возможность предположения, что Куржевской не было известно содержание хранимой литературы»¹¹. Е. Куржевская была признана виновной и попала под статью 19, которая допускала заключение в крепость на срок не более 3-х лет. Но суд, руководствуясь статьями 53 и 54 уголовного уложения, определил всего 3 недели заключения, причем в срок этого наказания ей было засчитано предварительное заключение с 19 по 28 марта 1909 г. Таким образом, к участнице революционного движения Е. А. Куржевской была определена самая минимальная мера из существовавших в тогдашнем российском законодательстве¹².

Дважды разбирались в Томском окружном суде в 1911–1912 гг. дело Константина Тюменцева (сына действительного статского советника), «обвиняемого в вступлении в комитет РСДРП и распространении запрещенных изданий». О Тюменцеве нам известно, что в ряды социал-демократической партии он вступил еще в 1905 г. в Томске. Сначала Тюменцев был оправдан, но по его делу был подан кассационный протест, и 26 марта 1912 г. состоялось повторное разбирательство, которое признало его вину, но с учетом предварительного заключения он вскоре оказался на свободе¹³.

Можно привести еще один пример беспристрастной работы представителей судебных органов в Западной Сибири. Омский мещанин Никифор Иванович Дроханов обвинялся в хранении и распространении брошюр революционного содержания. Обыск производился 23 марта 1911 г., и у Дроханова были обнаружены 133 партийные брошюры РСДРП. Они находились в деревянных ящиках, а также на этажерке и в письменном столе¹⁴. Это сыграло свою роль в деле.

Пока шло судебное разбирательство, Дроханов находился в заключении, но в итоге был оправдан. Во-первых, как было указано в судебном протоколе, было не доказано, что 13 из 133 брошюр принадлежали Дроханову, а во-вторых, суд посчитал, что брошюры, находившиеся на этажерке и в письменном столе, предназначались не для распространения, а для хранения. Хранение же их без означенной цели по закону не наказуемо¹⁵. Никифор Дроханов оказался на свободе и мог снова заниматься революционной работой. Он был подпольщиком со стажем: арестовывался ранее в Харькове, входил в партийный комитет в Екатеринославле, где играл видную роль среди местных социал-демократов¹⁶. Полиция об этом прекрасно знала, но с правовой точки зрения ничего предпринять против Дроханова не смогла. Буква закона была соблюдена.

В революционном движении наряду со взрослыми часто участвовали и подростки. В 1908 г. в суде разбирались дело гимназиста 5 класса Омской мужской гимназии Петра Фокина, сына военного врача Фокиной. Во время обыска в комнате, которую занимал гимназист, было обнаружено около 20 разных прокламаций, несколько из которых было отпечатано на гектографе журнала «Простор», издаваемого группой учащихся, примыкавших

к партии эсеров¹⁷. Это дело было прекращено за недоказанностью состава преступления. В пользу молодого революционера было представлено следующее: во-первых, все найденные прокламации были в одном экземпляре; во-вторых, не было доказано, что они распространялись Фокиным; и в-третьих, свою роль сыграл хороший отзыв начальника гимназии¹⁸.

Работникам правоохранительных органов приходилось разбирать дела не только революционеров, но и представителей царской администрации, если их действия выходили за рамки законности. Например, осенью 1905 г. было заведено дело на томского полицмейстера, коллежского советника Петра Николаевича Никольского по 338 и 341 статьям уложенного наказания. Никольский обвинялся в том, что во время октябрьских волнений в Томске допустил превышение власти. 18 октября 1905 г. прибыв на площадь перед Алексеевским коммерческим училищем для успокоения учащихся, он, как отмечалось в деле: «...не прибег к увещательным средствам и не исчерпал вообще всех способов толпы разойтись, ... приказал состоящему в его распоряжении наряду казаков "Бей всех!", что казаки и исполнили... В этот момент из здания окружного суда выходила на улицу группа адвокатов, Никольский крикнул казакам "Бей судейских!", что и было осуществлено»¹⁹.

Томский полицмейстер, не признавая своей вины, разъяснил эту ситуацию так: по его словам, митинги и забастовки, в связи с революционным движением в стране, проходили в городе ежедневно с начала октября. Все эти дни П. Н. Никольскому приходилось разгонять толпы людей силами местной полиции. Томск был студенческим городом, и естественно, в массовках активное участие принимала студенческая молодежь. Как указывал в свое оправдание полицмейстер: «...агитаторы перенесли свою деятельность на учебные заведения, и революционные сборища стали устраиваться под прикрытием детей, в расчете лишить администрацию возможности принимать репрессивные меры к рассеянию этих сборищ. Полиции приходилось выбиваться из сил, преследуя эти незаконные сборища».

В то же время Никольский вынужден был выполнять распоряжения губернатора, в которых «обязывалось чинам полиции принимать все меры к недопущению и разьяснению подобных противозаконных сборищ». Однако, как отмечал далее Никольский: «...всякие увещевания, внушения и уговоры с требованием прекращения сборищ, вызывали со стороны их участников лишь глумление и отказы»²⁰. Подобная ситуация произошла и 18 октября у Алексеевского училища. П. Н. Никольский вынужден был дать казакам приказ разогнать толпу, что и было сделано. Во время разгона толпы из здания окружного суда выбежало несколько адвокатов, и, по словам Никольского: «пытались воспрепятствовать действиям казаков и солдат, причем они даже хватались за нагайки казаков и ружья солдат». Попав под «горячую руку», адвокаты были разогнаны. Таким образом, Никольский считал, что превышения власти с его стороны не было²¹. Несмотря на то, что в данном случае стоял вопрос не только о разгоне демонстрации, но и о применении жестоких мер по отношению к работникам юстиции, суд принял сторону Никольского. Заседание Томской Судебной Палаты 2 мая

1907 г. завершилось Заключением, в котором виновность П. Н. Никольского объявлялась недоказанной, а принятую против него меру обеспечения личности — подписку о невыезде из мест заключения — следовало отменить²². Таким образом, все действия томского полицмейстера признались законными.

Когда началась Первая мировая война, западносибирской администрации и правоохранительным органам пришлось столкнуться с таким явлением, как массовые беспорядки запасных при мобилизации их в армию. Из переписки, которую вели между собой представители Барнаульского окружного суда и Омского военно-окружного суда, видно, насколько тяжелая обстановка сложилась в июле 1914 г. в ряде уездов Томской губернии.

22 июля 1914 г. прокурор Барнаульского окружного суда в срочной телеграмме информировал своего коллегу из Омска: «Сегодня разграбили Барнаульский винный склад толпы народа, главным образом запасные, даже женщины и дети участвовали. Открыто несут водку четвертями... Полиции мало, войск там не было... Возбуждение толпы крайнее, я и исправник едва спаслись, жандармский ротмистр Назаревский ранен в голову палками и четвертными бутылками, сейчас громят тюрьму, исправник доложил мне, что находящиеся там солдаты стреляют²³. Из Омска тут же последовал ответ об отправлении в Барнаул казаков и пехотной части с двумя орудиями под начальством генерала Полянского²⁴. Но ситуация в регионе складывалась очень напряженная. В телеграмме министру юстиции в 20-х числах июля сообщалось о беспорядке запасных в г. Новониколаевске и многих селах Барнаульского, Томского и Кузнецкого уездов. Везде наблюдалась одна и та же картина: запасные грабили винные магазины и лавки, а при столкновениях с полицией и войсками были жертвы с обеих сторон²⁵.

Например, на станцию Каинск 24 июля прибыл эшелон, в котором было 1213 запасных. Была разбита станционная лавка, захвачено 3 тыс. руб. и растащено товаров на 5 тыс. руб. При этом получили ранения два унтер-офицера, два железнодорожных стражника. Беспорядки продолжались и при остановках на следующих станциях. В результате в Новониколаевске войска применили силу и было убито 8 человек, а 23-м получившим ранения была оказана своевременная медицинская помощь²⁶. С огромным трудом администрации края удалось навести порядок на пути прохождения эшелонов с будущими ратниками, при этом несколько сотен запасных, наиболее активно участвовавших в беспорядках, были арестованы.

118 узников Кузнецкой тюрьмы отправили в Петербург прошение на имя императора, в котором раскаивались в содеянном. Прошение заканчивалось словами: «...слезно молим Ваше императорское величество приказать отправить нас в первые ряды действующей армии, чтобы кровью своей искупить тяжкий грех и положить свой живот за родину святую и за тебя царь батюшка. Молим Бога даровать победу русскому воинству»²⁷. Думается, не только угроза тюремного заключения была причиной этого прошения, но и действительное осознание своей вины.

Подводя итоги прошедшим событиям, военный прокурор Омского военно-окружного суда генерал-лейтенант барон Остен-Сакен в рапорте на имя командующего Омским военным округом от 24 декабря 1914 г. отмечал, что среди запасных «находилось много участников в минувшей войне с Японией, а по Барнаульскому уезду входивших в состав гарнизона крепости Порт-Артур, то есть таких лиц, которые сохранили воспоминания о разрухе и беспорядках, имевших место в 1905–1906 гг. при увольнении их в запас, причем эти лица несомненно влияли на остальных участников». Военный прокурор просил о возбуждении ходатайства перед императором о прекращении уголовного преследования и недоведения до судебного разбирательства в отношении тех запасных, которые не являлись зачинщиками и не оказывали сопротивления войскам²⁸. В итоге так и произошло. Основная масса запасных, оказавшихся под арестом, была оправдана, так как не была доказана их вина в беспорядках.

Таким образом, можно сделать вывод, что представители судебных и правоохранительных органов в Западной Сибири, работая в сложных условиях первой российской революции, периода реакции, нового революционного подъема и начала Первой мировой войны, вовсе не являлись олицетворением жестокости и произвола. Автор не склонен впадать в крайность и идеализировать их деятельность. Но приведенные в статье примеры, которых могло быть и больше, свидетельствуют о том, что на первом месте для работников юстиции стояли правовые нормы, прописанные в законах российской империи, которые они и старались соблюдать, несмотря на все политические коллизии.

¹ Государственный исторический архив Омской области (далее — ГИАОО). Ф. 33. Оп. 1. Д. 26. Л. 119–120.

² Там же. Ф. 270. Оп. 1. Д. 398. Л. 158–160.

³ Там же. Ф. 25. Оп. 2. Д. 348. Л. 6.

⁴ Там же. Д. 38. Л. 25–27; 34–35.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 104. Л. 3–4.

⁶ Там же. Д. 104. Л. 39–41.

⁷ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 329. Л. 2–5.

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 58–59.

¹⁰ Там же. Д. 492. Л. 65.

¹¹ Там же. Л. 67.

¹² Там же.

¹³ Там же. Д. 631. Л. 36–38; 126–132.

¹⁴ Там же. Д. 578. Л. 34.

¹⁵ Там же. Л. 34–35.

¹⁶ Там же. Л. 46.

¹⁷ Там же. Ф. 190. Оп. 3. Д. 975. Л. 1.

¹⁸ Там же. Л. 2.

¹⁹ Там же. Д. 624. Л. 16–19.

²⁰ Там же. Л. 16.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 19.

²³ Там же. Д. 250. Л. 10.

²⁴ Там же. Л. 14.

²⁵ Там же. Л. 15–18; 27.

²⁶ Там же. Л. 8–9.

²⁷ Там же. Л. 63.

²⁸ Там же. Л. 207.

Tsindik A. A. The work of the law enforcement agencies of the Western Siberia. 1905–1914

ABSTRACT: This article reveals the work of the law enforcement agencies in Western Siberia during the first Russian revolution and after the revolutionary period. Courts of the time are considered basing on the archive materials.

KEYWORDS: chamber of justice, circuit court, organs of the justice of Western Siberia

AUTHOR: Ph. D. in History, Assistant Professor, lecturer in history, «Slavonic school in honour of Saint apostles Cyril and Mefodiy» (Омск); alextsindik@yandex.ru

REFERENCES:

¹ Omsk region State Historical Archive.